

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-183-203

EDN: EDOFJP

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ

Назар Николаевич Назаренко¹, Анатолий Викторович Башкин²

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, pnazarenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2425-3649>

² Проект «Исторические материалы» (<http://istmat.org>), Москва, Россия, lost_empire@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1086-8690>

Аннотация. В статье рассмотрено естественное движение населения в период голода 1932–1933 гг. на Северном Кавказе. Установлено, что на Дону, Кубани и в Ставрополье был высокий уровень учета населения и полный его охват, высокий недоучет сельского населения был в горных национальных автономиях Северного Кавказа. В Дагестане также был учет неместных и неизвестных в городах, но попали ли в статистическую отчетность неместные и неизвестные в других регионах Северного Кавказа не установлено. Проведена оценка родившихся и умерших на Северном Кавказе по регионам с поправкой на недоучет. Показано, что на Дону, Кубани и в Ставрополье почти одновременно и одинаково наблюдается типичный «голодный» пик весны 1933 г. Установлено, что наиболее высокая смертность сельского населения была в Ставрополье, Кубань и юг Дона пострадали несколько меньше и еще в меньшей степени – север Дона. Определены очаги катастрофической смертности и убыли населения. В горных автономиях и причерноморских районах Кубани отмечен положительный естественный прирост сельского населения. Установлено, что смертность городского населения Северного Кавказа была не ниже смертности сельского, показана демографическая катастрофа в северокавказских городах, что опровергает мнение о том, что в период 1932–1933 гг. пострадало преимущественно сельское население. Показано отсутствие этнической компоненты демографической катастрофы на Северном Кавказе в период голода 1932–1933 гг., не прослеживается искусственность голода по какой-либо единой системе, организованной центральной властью. Смертность на Северном Кавказе имела зональный характер, ее величины, наиболее вероятно, определяются действиями местных властей, административными границами, эпидемическими либо природными факторами. Суммарные общие демографические потери Северного Кавказа в период голода 1932–1933 гг. от падения рождаемости оцениваются как 190 тыс. человек, а превышение смертности – 280 тыс. человек.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг.; рождаемость; смертность; демографические потери; Северо-Кавказский край; Азово-Черноморский край; Дагестанская АССР; Дон; Кубань; Ставрополье; республики Северного Кавказа.

Для цитирования: Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Северокавказского региона в период голода 1932–1933 годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 183-203. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-183-203. EDN: EDOFJP.

Original article

REGIONAL FEATURES OF BIRTH RATE AND MORTALITY IN THE NORTH CAUCASUS REGION IN THE FAMINE OF 1932–1933 YEARS

Nazar N. Nazarenko¹, Anatoliy V. Bashkin²

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, nnazarenko@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2425-3649>

² Project «Historical materials» (<http://istmat.org>), Moscow, Russia, lost_empire@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1086-8690>

Abstract. The article reviews the vital statistics analysis during the 1932–1933 famine in the North Caucasus region. It has been established that vital statistics registration high level and full population cover occurred in Don, Kuban' and Stavropol' regions high underestimating of rural population occurred in highlands national autonomies. The non-local and unknown identity residents' birth rate and mortality are registered in Dagestan, but for other regions, the registration of non-local and unknown identity residents and presence of these data in vital statistics has not ascertained. The estimation of birth rate and mortality has done for North Caucasus by regions with underestimating correction. It has been shown that characteristic famine peak occurred in 1933 year spring in Don, Kuban' and Stavropol' regions at the same time and almost equally. The most high mortality of rural population was in Stavropol' region, regions of Kuban' and southern Don were losses rather fewer and fewer losses regions of north Don. It has been detected the regions of catastrophic mortality and catastrophic of natural loss of population. The natural increase of rural population was in highlands national autonomies and Black Sea seaside regions of Kuban. It has been ascertained, that urban population mortality of North Caucasus was not low mortality than country. It has been shown the demographic catastrophe in North Caucasus cities and towns, which disprove sociocide of country people (Cossacks) hypothesis in examined region during the 1932–1933 famine. It has been demonstrated absence of ethnocide (genocide) in North Caucasus regions and famine artificiality by common plan and central authority organization. The mortality in North Caucasus had zonal allocation and was determined by local government response, natural, climate and epidemics conditions and administrative borders most likely. The total demographic losses due to decreased birth rate in North Caucasus regions in 1932–1934 came to 190000 persons and entire number of excess deaths – 280000 persons.

Keywords: famine of 1932–1933 years; birth rate; mortality; demographic losses; North Caucasus Krai; Azov – Black Sea Krai; Dagestan ASSR; Don; Kuban'; Stavropol'; North Caucasus republics.

For citation: Nazarenko N.N., Bashkin A.V. Regional features of birth rate and mortality in the North Caucasus region in the famine of 1932–1933 years. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 183-203. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-183-203. EDN: EDOFJP.

© Nazarenko N.N., Bashkin A.V., 2022

Введение

Северный Кавказ как наиболее пострадавший от голода 1932–1933 гг. регион рассматривался еще в ранних исследованиях по демографии довоенного периода СССР, которые начали появляться в первой половине 90-х гг. XX в.

[Андреев и др. 1993: 42]. К регионам с отрицательным естественным приростом населения кроме Азово-Черноморского и Северо-Кавказского края был отнесен и Дагестан [Андреев и др. 1993: 47]. Одной из первых работ по голоду 1932–1933 гг. на Северном Кавказе была монография Е.Н. Осколкова [Осколков 1991], где приводятся сведения о количестве смертей от голода по отдельным населенным пунктам и хозяйствам региона, и указывается, что голод охватил 44 района края, 20 из которых были «неблагополучными», а 13 – «особо неблагоприятными» [Осколков 1991: 73]. В работе приведены данные о значительном числе голодающих беженцев и эпидемии среди них сыпного и брюшного тифа [Осколков 1991: 76]. В другой работе Е.Н. Осколков приводит уже 48 (64 % от общего количества) голодающих районов – 20 кубанских, 14 донских, 13 ставропольских и 1 адыгейский [Осколков 1995: 115]. Дается помесечная динамика умерших за 1932 и 1933 гг. и общее число родившихся и умерших – 123 108 и 424 437, соответственно [Осколков 1995: 119]. «Избыточная» смертность в Северо-Кавказском крае с июля 1932 по декабрь 1933 гг. оценивается в 350 тыс. человек или 4 % населения края [Осколков 1995: 119]. К демографическим потерям относятся также более 270 тыс. человек репрессированных и высланных [Осколков 1995: 120].

Данные Е.Н. Осколкова применяются в других работах по голоду 1932–1933 гг. на Северном Кавказе. Например, В.В. Кондрашин с их помощью оценивает «избыточную» смертность и общие потери с депортированными и репрессированными в количестве 620 000 человек (8 % населения) [Кондрашин, Пеннер 2002: 216–217, 230; Кондрашин 2018: 259–260, 324, 325].

Н.А. Ивницкий, ссылаясь на Е.Н. Осколкова, указывает на гибель от голода «около одного миллиона человек» [Ивницкий 2009: 224]. В монографии «Население России в XX веке» также указывается, что Е.Н. Осколков остановился на оценке жертв голода 1 млн. чел., предложенной Р. Конквестом [Население... 2000: 275]. Вместе с тем Е.Н. Осколков приводит эти данные с оговоркой, что западные исследователи считают ее преувеличенной [Осколков 1991: 80].

Е.А. Осокина, согласно отчетных данных Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР, приводит данные об убыли городского населения Северо-Кавказского края 63,8 (63,9), а сельского – 214 (227,1) тыс. человек [Осокина 1991: 19, 20]. По-видимому, эти сведения приведены в границах края 1932 г. вместе с Дагестанской АССР и данными по сельской местности Чечни и Ингушетии [Осокина 1991: 19]. Также автором отмечена высокая убыль городского населения Северного Кавказа (2,5 %) [Осокина 1991: 20].

Отрицательный естественный прирост на Северном Кавказе в 1933 г. отмечает В.Б. Жиромская – 38,5 ‰ в Северо-Кавказском и 35,5 ‰ в Азово-Черноморском крае при смертности в селах 68 и городах 36 ‰ и 60 и 42 ‰, соответственно [Жиромская 2009: 96]. Эти данные несколько отличаются от данных из других работ и приведены в процентах (возможно, техническая ошибка, которая привела к искусственному завышению в 10 раз) – 38,6 ‰ в Северо-Кавказском и 37 ‰ в Азово-Черноморском краях при смертности в селах 68,1 ‰

и городах 36,6 % и 59,5 и 42 %, соответственно [Жиромская 2013: 653]. Также отмечается отрицательный прирост городского населения (2,2 %) в Азово-Черноморском крае в 1934 г. [Жиромская 2009: 97]. Потери от убыли населения между переписями 1926 и 1937 гг. составили, по расчетам автора, 0,7 % всего и 20,8 % сельского населения в Азово-Черноморском крае и 4,1 % и 15,3 %, соответственно, в Северо-Кавказском крае [Жиромская 2009: 99; Жиромская 2013: 652]. Исходя из данных об убыли и смертности, больше пострадал Северо-Кавказский край в границах 1933 г., чем Азово-Черноморский, а по оценкам переписей населения – наоборот, Азово-Черноморский. Для городского населения видны такие же отличия – при более высокой смертности в городах Азово-Черноморского края убыль между переписями городского населения меньше, чем в Северо-Кавказском. В приведенных публикациях это не объясняется.

Оценку потерь населения Северного Кавказа по переписям 1926 и 1937 гг. предложил В.В. Кондрашин, указывая на сокращение сельского населения на 20,4 % [Кондрашин 2014: 283]. Он же дал свою оценку на основе анализа данных по учету населения по сельскохозяйственному налогообложению: с 01.01.1933 г. по 01.01.1935 г. численность сельского населения сократилась в Азово-Черноморском крае на 22 % и Северо-Кавказском на 10 % [Кондрашин 2014: 285]. Отметим, что начальник сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ СССР С. Каплун еще в 1933 г. указывал, что данные налогового учета не могут непосредственно использоваться в оценках населения, поскольку не обеспечивают полноту учета и отражают результаты миграции [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 174].

Р. Дэвис и С. Уиткрофт указывают, что на Северном Кавказе в 1932 г. умерло 180 458 (19,4 на 1000 населения), а в 1933 г. – 416 664 (44,5) человек [Davies, Wheatcroft 2004]. Включен ли в эти цифры Дагестан, не оговаривается. Отмечен рост смертности в деревнях Северного Кавказа с сентября 1932 г. с превышением «нормы» в 7 раз к июню 1933 г. и приводятся данные Е.Н. Осколкова по пострадавшим от голода районам [Дэвис, Уиткрофт 2011: 417]. «Избыточная» смертность на Северном Кавказе составляла 0,04 в 1932 г. и 0,27 млн. человек в 1933 г. [Дэвис, Уиткрофт 2011: 422.]. С. Уиткрофт указывал на пик смертности сельского населения на Северном Кавказе около 100, а городского – 70 чел. на 1000, и на очень высокий уровень смертности до сентября в городах и до октября 1933 г. в селах [Уиткрофт 2013: 754–755].

С.А. Нефедов использует данные Р. Дэвиса и С. Уиткрофта при проведении своих расчетов. Беря за «норму» среднее число умерших в 1930–31 гг., потери на Северном Кавказе в 1932–1933 гг. рассчитаны им в 261 000 человек или 2,8 % населения Северного Кавказа [Нефедов 2013: 47; Нефедов 2017: 270].

Оценка потерь от голода на Северном Кавказе была предпринята американо-украинской группой демографов и историков в 2020 г. [Levchuk et al 2020]. Ранее мы публиковали критику применявшейся ими методики [Назаренко, Башкин 2021: 190–191]. Для Северного Кавказа с целью «более точной оценки потерь от голода», ими был выделен «субрегион» Krasnodar kraj, остальная часть названа North Caucasus [Levchuk et al 2020: 3], к которому, судя по карте, отнесен и Дагестан [Levchuk et al 2020: 8]. Указано, что выбирались структуры

для 1926–1939 гг. [Levchuk et al 2020: 3], но Краснодарский край образован в сентябре 1937 г. Для Krasnodar kraj не указано, как рассчитывалась рождаемость и смертность на основе данных по Северо-Кавказскому краю до 1932 г. и Азово-Черноморскому краю с 1933 г. Также ими не было показано, как анализировалась миграционная статистика 1926–1939 гг., поскольку миграция между «Krasnodar kraj» и «North Caucasus» до 1932 г. была внутри Северо-Кавказского края и могла не попасть в отчеты, а в 1933–37 гг. – это миграция между краями и могла учитываться лишь частично. Поэтому непонятно, как выделение «Krasnodar kraj» дает «более точную» оценку? Возможно, так авторы пытаются обосновать «субнациональный уровень» (at the subnational level) голода. Поскольку в современной украинской парадигме Кубань считается этнически украинской и на Кубани наблюдался очаг катастрофической смертности, видимо, таким способом они пытаются обосновать «голодомор – украинский геноцид» на Кубани в РСФСР.

Вопросы есть к потерям от голода. В демографии обычно число умерших за год относится к годовому населению. Авторами общее число «избыточно» умерших за 1932–1934 гг. суммируется и делится на «среднегодовую» численность населения 1933 г. [Levchuk et al 2020: 5] – величина за три года относится к годовой, из-за чего относительная смертность искусственно завышается. Неудивительно, что «Krasnodar kraj» отнесен к первой группе регионов с наивысшими потерями в 1933 г. (389,5 тыс. или 122,9 на 1000 населения) – «потери» превышают смертность в Азово-Черноморском крае (287 253 чел.) и сопоставимы с умершими на Северном Кавказе (405 485 человек [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21]). Такие рассчитанные «потери» характеризуют, скорее, неадекватность моделирования американо-украинской группой.

В рассмотренных региональных исследованиях по Северному Кавказу также наблюдаются разночтения в оценках потерь. Во-первых, приводятся завышенные оценки Р. Конквеста потерь до 1 млн. человек [Кропачев 2009: 80; Ракачева 2011: 93; Токарева 2014: 23], иногда с указанием на то, что это предположение «на основе косвенных данных» [Ракачев 2009: 136; Ракачев 2012: 134]. Публикуются оценки Е.Н. Осколкова (и из монографий В.В. Кондрашина) [Кропачев 2009: 80; Осадченко, Руднева 2012: 97; Гадицкая 2018: 46], Е.А. Осокиной и Р. Дэвиса и С. Уиткрофта [Ракачев 2009: 135, 136; Ракачев 2012: 134; Чернопицкий 2002: 32; Семенько, Панарина 2021: 101], иногда без ссылок на источники, с ошибками авторства оценок, упоминанием «голодомора» и указаний в качестве числа жертв голода общего числа умерших. География голода также дается по Е.Н. Осколкову [Кропачев 2009: 79; Ракачев 2009: 131; Ракачев 2012: 133; Иванцов 2009: 40].

Таким образом, вопрос естественного движения населения Северного Кавказа и география голода 1932–33 гг. представляется по работам начала 90-х гг. XX в. и рассматривается на уровне крупных административно-территориальных единиц. При этом детально не прояснены региональные особенности рождаемости и смертности, в т. ч. городской и порайонной, особенно на Дону и в республиках Северного Кавказа.

Целью данной работы является оценка региональных особенностей есте-

ственного движения населения в период голода 1932–1933 гг. на Северном Кавказе: Азово-Черноморский край (включая Адыгею), Северо-Кавказский край (включая северокавказские республики) и Дагестан.

Методология и методы исследования

Методологической основой работы являются общенаучные принципы историзма, научного сравнения, анализа и синтеза, а также метод типологизации. С учетом специфики данных, использованы демографо-статистические методы исследования.

Источниковой базой исследования являлись отчетные документы из фонда Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР, сохранившиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Во-первых, это сводные отчеты по форме А, которые местные управления в течение 1934 г. передавали в ЦУНХУ, за 1933 г. по Северному Кавказу по форме А найден отчет по городам Дагестана [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 123]. Во-вторых, это обобщенные данные конъюнктурных отчетов (исчисленные на основе месячных отчетов Загсов и местных статистических управлений) по Северному Кавказу [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28. Л. 114, 116]. Наконец, сводные отчеты по форме 1-а, в которых есть порайонные итоги естественного движения населения по городам и сельской местности на основе годовых разработок отчетов Загсов и районных статуправлений. По форме 1-а сохранились отчеты по Северо-Кавказскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98], Дагестанской АССР [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об.] и Азово-Черноморскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 75–78].

Для визуализации и региональной оценки особенностей демографических процессов на Северном Кавказе использовались методы геоинформационного картографирования [Wheatcroft at al 2013; Wheatcroft at al 2013a; Назаренко, Башкин 2021], дающие возможность более точной оценки географии и очагов рождаемости и смертности. Рассчитанные нами по отчетам 1-а показатели рождаемости и смертности населения на 1000 чел. вносились в базу и привязывались к картографической основе (административно-территориальное устройство на отчетный 1934 г.) в пакете ArcGIS. Для сопоставления региональных особенностей очагов голода при классификации районов использовалась шкалы, принятые для Нижнего Поволжья [Назаренко, Башкин 2021: 197].

Результаты и обсуждение

С. Уиткрофт полагает, что первичная регистрация населения в РСФСР 30-х гг. XX в. была достаточно полной и данные статистических органов можно использовать в исследованиях [Уиткрофт 2013: 766]. Первичный учет велся Загсами при местных городских и сельских советах. Е.Н. Осколков указывает, что в результате Великой Отечественной войны, реорганизаций и «перетасовки» эти данные в значительной степени были утрачены [Осколков 1991: 72]. Однако, как указывалось выше, местные управления в течение 1934 г. передавали в ЦУНХУ сводные отчеты по форме А и 1-а, в которых есть порайонные итоги естественного движения населения по городам и сельской местности на

основе годовых разработок отчетов загсов и районных статуправлений. Оценка неполноты охвата и недоучета населения нами выполнялась по окончательным годовым разработкам в форме 1-а (табл. 1).

Города и городские поселки Северного Кавказа были полностью охвачены системой учета. Число горсоветов сопоставимо с числом городских ЗАГСов (в Азово-Черноморском крае их было 45 [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 78], больше числа горсоветов). Нет данных по городам Беслану, Дарг-Коху, Садону и Назрани [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97об., 98]. Недоучет по Азово-Черноморскому краю (табл. 1) – не присланный один месячный отчет п. Лихая (ныне микрорайон г. Каменск-Шахтинский Ростовской области).

Сельская местность равнинной и предгорной части Северного Кавказа также была полностью охвачена системой учета (1263 загса по Азово-Черноморскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19., Л. 78] сопоставляется с числом сельсоветов). Проблемными районами были: Виноделенский (62 % недоучета) и Георгиевский (23) Ставрополя [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98] и Туапсинский (46), Кропоткинский (40), Калмыцкий (23), Верхне-Донской и Армянский (по 22), Адыгея (16,7) Азово-Черноморского края [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 75–78]. Недоучет сельского населения объясним кризисной ситуацией, но он не высокий.

Таблица 1

Недоучет естественного движения населения Северного Кавказа (1933 г.)

Регион		Число советов ¹ (загсов)	Население (на 01.01.1933), тыс. чел.	Загсо-месяцев ²		Среднегодовое население, тыс. чел.		Недоучет, %	
				всего	отчетное	всего	Отчетное	загсы	Население
Азово-Черноморский край ³	город	33	1643,2	–	455	1680,845	1680,464		0
	село	930	3716,6	–	10279	3155,413	2893,002		8,3
Северная область ⁴	город	4	88,3	84	84	70,674	70,674	0	0
	село	232	558,3	–	2598	540,337	482,122		10,8
Адыгейская АО	город ⁵		0,7						
	село	43	135,7	–	419	128,750	107,312		16,7
Северо-Кавказский край ³	город	10	286,1	180	180	283,528	283,528	0	0
	село	307	1299,2	3732	3473	1182,9	1038,574	6,9	12,2
Кабардино-Балкарская АО	город	2	32,0	36	36	31,614	31,614	0	0
	село	108	247,3	1296	627	241,750	122,778	51,6	49,2
Карачаевская АО	город	1	2,9	12	12	3,104	3,104	0	0
	село	41	100,1	492	267	97,2	53,685	44,8	44,8
АО Северная Осетия	город	1	118,8	48	12	118,742	112,979	75,0	4,9
	село	70	166,8	900	193	169,750	55,987	78,6	67,0
Черкесская АО	город	1	23,4	12	12	23,369	23,369	0	0
	село	39	56,4	468	344	52,8	41,986	20,5	20,5
Чечено-Ингушская АО ⁶	город	2	206,2	72	60	203,529	201,758		
	село	212	433,2	2556		442,4			
Дагестанская АССР	город	7 ⁷	150,6	72	72	156,5	156,5	0	0
	село	604	798,6	7248	3317	789,5 ⁸	392,4 ⁸	54,2	49,7

Примечание. Составлено и рассчитано по [Административно-территориальное... 1934: 108–127; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об., 75–78].

¹ – по городам в т.ч. рабочие поселки; ² – прочерк: часть данных не читаемо из-за качества копии документа; ³ – без автономий; ⁴ – рассчитано по районным данным; ⁵ – в отчете

города не указаны; ⁶ – в отчете Чеченская и Ингушская АО указаны отдельно, нет данных по Ингушетии и по сельской местности Чечни; ⁷ – разница, возможно, связана с включением в г Махач-Калу п. Петровск-Кавказский; ⁸ – по районам 790,4 и 397,4 тыс. человек.

Национальные автономии Северного Кавказа характеризуются 100 % охватом загсами сельских советов. Но отсутствуют данные по Чечне и Ингушетии, высокий недоучет в Черкесской АО (20 %,) в Кабардино-Балкарии и Карачаевской АО (более 40) и в Северной Осетии (67). В сельской местности Дагестана недоучет был почти 50 % населения, и превышал 40 % в большинстве районов. Проблемные районы: Курахский (71%), Табасаранский (80), Махач-Калинский (82) и Дербентский (94), нет данных по Кайтакскому району [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37об.].

Отчетные показатели рождаемости составили: Азово-Черноморский край – 24 849 чел. в городах и 64 870 в сельской местности, Северо-Кавказский край – 10 514 и 28 965, соответственно, Дагестан – 3 111 и 6 552, соответственно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37 об., 78]. Всего – 138 861 чел. (38 474 в городах и 100 387 в селах). Смертность: Азово-Черноморский край – 73 929 чел. в городах и 213 324 в сельской местности, Северо-Кавказский край – 24 050 и 94 182, Дагестан – 4 264 и 6 915, соответственно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37об., 78]. Всего – 416 664 чел. (102 243 в городах и 314 421 в селах). Смертность превышала рождаемость. Именно эти данные попали в общий отчет, месячную динамику за 1933 г. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 8, 82–83, 87–88] и в динамические ряды, в связи с переписью 1939 г. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21]. Проблема в том, что это данные **без поправки на недоучет**.

Исходя из краевых отчетов по форме 1-а, данные нами пересчитаны с поправкой на недоучет (табл. 2). Также досчитано число рожденных и умерших в Чечне и Ингушетии и Кайтакском районе Дагестана. Для городов взята средняя рождаемость и смертность близких г. Орджоникидзе (Владикавказ), Грозный и Гудермес [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 98] – 27,0 и 43,4 на 1000 населения. Оценка числа рожденных в Назрани составила 50, Беслане – 90, Садоне – 60, Дарг-Кохе – 20 чел., а умерших – 80, 140, 90 и 30 чел., соответственно. Для сельской местности Чечни и Ингушетии взята средняя рождаемость и смертность по автономиям Северо-Кавказского края [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97 об. – 98] – 31,7 и 24,5 на 1 000 населения. В сельской местности Ингушетии оценка числа рожденных составила 2 510, а умерших – 1 940 человек, Чечни – 11 520 и 9 000 человек, соответственно. Для Кайтакского района Дагестана взяты средние рождаемость и смертность по соседним Табасаранскому, Коркмас-Калинскому и Дахадаевскому районам – 11,9 и 15,2 на 1 000 населения, соответственно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об.]. В Кайтакском районе оценочно родилось 280, а умерло 360 человек.

С поправками в Азово-Черноморском крае в городах родилось 24 854, а умерло 73 945 чел., что сопоставляется с пересчетом на 1935 г. (24 849 и 73 929) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. На селе родилось и умерло 71 210 и 233 805 чел., что тоже сопоставляется с пересчетом на 1935 г. (69216 и 227618)

[РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. По Северо-Кавказскому краю и Дагестану в городах с поправками родилось 10 734 и 3 110 человек, соответственно (всего 13 844), а умерло 24 390 и 4 264 (всего 28 654), что также сопоставляется с оценками на 1935 г. (13746 и 28591) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. В селах края и Дагестана родилось, по нашим оценкам, соответственно, 54 521 и 13 310 человек (67 831 всего), а умерло 124 334 и 14 112 человека (138 446 всего), что также сопоставляется с расчетами на 1935 г. (63 229 и 131 897) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14]. Естественная убыль населения по нашим оценкам в Азово-Черноморском крае – 211 686 чел., что выше оценок на 1935 г. (207 482), а по Северо-Кавказскому краю и Дагестану – 83 469 и 1 956 человек, суммарно – 85 425, что также выше расчетов на 1935 г. (83 513) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 14].

Еще одной проблемой является оценка рождаемости и смертности населения, незарегистрированного по месту жительства (мигрантов). С. Уиткрофт пишет, что с 1933 г. загсы получили указания вести учет рождаемости и смертности только местных жителей и не учитывать неместных, пытаясь так скрыть скачок смертности, но на местах вопреки указанию неместных учитывали [Уиткрофт 2013: 721–722].

Таблица 2

Естественное движение населения Северного Кавказа в 1933 г.
(расчеты авторов)

Регион		Рождаемость			Смертность			Прирост
		Отчет	с недоучетом	на 1000	отчет	с недоучетом	на 1000	
Азово-Черноморский край ¹	город	23811	23816	14,2	70851	70867	42,2	-47051
	село	55111	60110	19,0	186697	203631	64,5	-143522
Северная область ²	город	1038	–	14,7	3078	–	43,6	-2040
	село	7685	8613	15,9	22421	25128	46,5	-16515
Адыгейская АО	село	2073	2487	19,3	4206	5046	39,2	-2559
Северо-Кавказский край ¹	город	3557	–	12,5	13279	–	46,8	-9722
	село	21124	24060	20,3	87406	99552	84,2	-75493
Кабардино-Балкарская АО	город	606	–	19,2	1227	–	38,8	-621
	село	2230	4391	18,2	3144	6191	25,6	-1800
Карачаевская АО	город	60	–	19,3	26	–	8,4	34
	село	2461	4456	45,8	1147	2077	21,4	2379
АО Северная Осетия	город ³	1885	2055	16,7	3548	3808	31,4	-1753
	село	2042	6191	36,5	1380	4184	24,6	2007
Черкесская АО	город	326	–	14,0	473	–	20,2	-147
	село	1108	1393	26,4	1105	1390	26,3	4
Ингушская АО	город ⁴	–	50	27,0	–	80	43,4	-30
	село ⁴	–	2510	31,7	–	1940	24,5	570
Чеченская АО	город	4080	–	20,2	5497	–	27,2	-1417
	село ⁴	–	11520	31,7	–	9000	24,5	2520
Дагестанская АССР	город	3110	–	19,9	4264	–	27,2	-1154
	село	6552	13310 ⁵	16,5	6915	14112 ⁵	17,4	-802
	неизвестно	273			472			-199
Итого по Северному Кавказу	город	38698			102599			-63901
	село	139041			372251			-233210
	неизвестно	273			472			-199

Примечание к таблице 2. Составлено и рассчитано по [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37об., 75–78]. ¹ – без автономий; ² – рас-

считано по районным данным; ³ – в том числе оценки авторов; ⁴ – оценки авторов; ⁵ – включая оценку по Кайтакскому району.

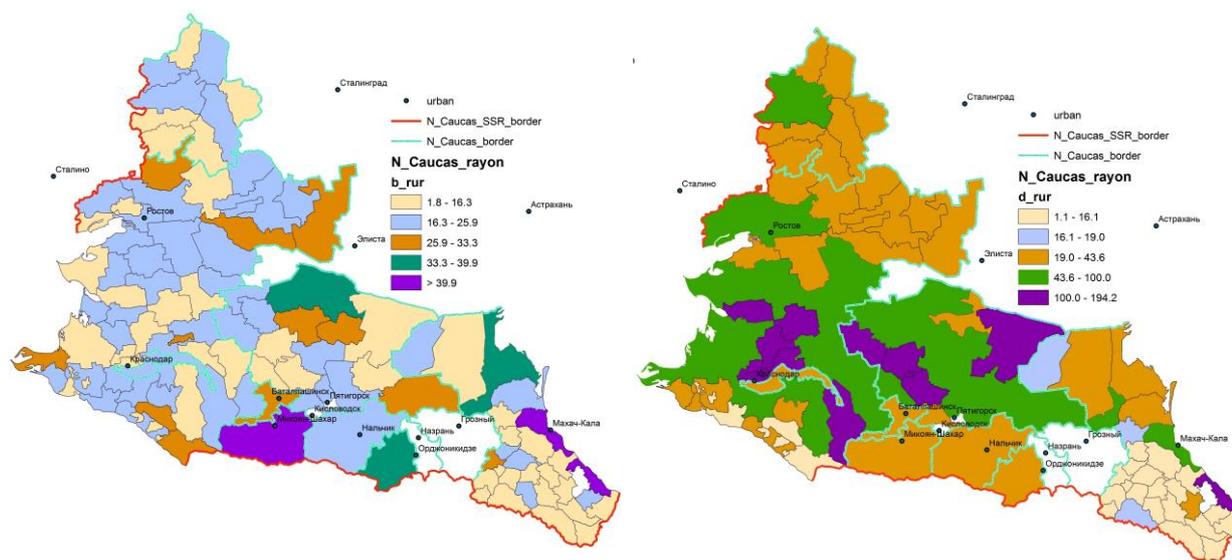
В записке начальника Московского городского УНХУ Шавтвалова и начальника сектора здравоохранения и населения Киркевича упоминается инструкция расчета рождаемости и смертности за 1933 г. «без внегородских и не указавших адреса» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 2]. Но в записке упоминается о сокрытии нет, а в приведенных динамических рядах за 1926–33 гг. указаны и общие данные с неместными и приезжими [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 3]. Форма отчета 1-а имела столбцы для родившихся, умерших и умерших до 1 года жителей, не являющихся постоянно проживающими в данной местности [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19.]. По Дагестану эти столбцы заполнены для городов, (родилось 273, умерло 472) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 37–37 об.]. По Азово-Черноморскому и Северо-Кавказскому краям статистики эти графы, единственные по РСФСР, не заполнили [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 97–98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 75–78]. В сводной ведомости движения населения для Северо-Кавказского края в этих графах стоят пометки «сведений нет» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 45]. Были ли неместные и неизвестные учтены в общей статистике движения населения Дона, Кубани и Ставрополя – вопрос остается открытым.

Городская смертность на Северном Кавказе была крайне высокой. В Северной области (север современной Ростовской области) смертность в городах была сопоставима с сельской, а в горных автономиях она превышала сельскую (табл. 2). Городская смертность Дона, Кубани и Ставрополя сопоставима со Сталинградским краем [Назаренко, Башкин 2021: 198], что указывает на одинаковую ситуацию в городах разных регионов. Катастрофа городского населения была практически по всему Северному Кавказу (кроме Микоян-Шахара, ныне г. Карачаевск), а убыль городского населения почти в 64 тыс. человек сопоставима с исчезновением в 1933 г. такого города, как Ставрополь или Пятигорск. Поэтому теории о намеренном уничтожении голодом именно сельского населения не состоятельны, а крайне жесткие действия властей по обеспечению городов продовольствием становятся объяснимыми.

Наиболее пострадало в 1933 г. сельское население Ставрополя (смертность > 84 на 1000 населения – выше, чем в Саратовском крае [Назаренко, Башкин 2021: 198]), сельские Кубань и юг Дона пострадали несколько меньше (сопоставимо с Саратовским краем). Север региона – еще меньше, как и Адыгея (сопоставимо со Сталинградским краем). В сельской местности горных районов смертность была практически одинаковая по всем регионам и еще меньше. В большинстве национальных автономий был прирост сельского населения. Отрицательный прирост населения в Кабардино-Балкарии и Дагестане связан с низкой рождаемостью. Рождаемость была низкой и схожей почти во всех северокавказских регионах, за исключением Северной Осетии и Карачаевской АО.

Картографирование величин рождаемости показывает, что в сельской местности Северного Кавказа нет зональности или географической приуроченности числа родившихся (рис. 1: А). Рождаемость такая же низкая, как и ниже-

волжская [Назаренко, Башкин 2021: 197], но районов низкой рождаемости на Северном Кавказе больше. Крайне низкая рождаемость была в Дагестане. На Кубани самая низкая рождаемость была в сельской местности Греческого района (8,7 на 1000 населения) и территории в административном подчинении г. Краснодара (9,0), на Дону – Каменского (10,7) и Тарасовского (11,5), в Ставрополье – Невинномысского (14,0) и Прикумского (14,3) районов. Высокая рождаемость была в Северной Осетии (36,5), Карачаевской АО (45,8) и в районах у Калмыкии – донских Ремонтинском (28,5) и Пролетарском (27,6) и ставропольских Виноделенском (37,9) и Туркменском (36,4) и соседних Петровском (29,6) и Благодарненском (27,8). С чем это связано – требует дальнейших исследований. В Дагестане высокая рождаемость была в Махач-Калинском (40,4) и Дербентском (38,4) и русских национальных Кизлярском (35,7) и Шелковском (33,5) районах. Фактически, падение рождаемости зависело от местных особенностей.

А

Б

Рисунок 1. Рождаемость (А) и смертность (Б) на 1000 чел. сельского населения Северного Кавказа в 1933 г.

Смертность на Северном Кавказе, как и на Нижней Волге [Назаренко, Башкин 2021: 197], характеризуется четкой зональностью (рис. 1: Б). В сельской местности Дона смертность была гораздо ниже, чем на Кубани и в Ставрополье, граница скачка смертности четко проходит по условной линии Ейск–Элиста, севернее которой находятся донские районы меньшей смертности, примыкающие к Сталинградскому краю. Исключение составляют два очага смертности: в Миллеровском и Леоно-Калитвинском районах он связан со столицей Северной области, а в Матвеево-Курганском, Новочеркасском и Мясниковском районах и территориях в административном подчинении гг. Таганрог и Ростов – регион у столицы края. Эти очаги подтверждают гипотезу С. Уиткрофта, что высокая смертность связана с тем, что местные власти усилили децентрализованные заготовки в прилегающих к городам сельских районах для обеспечения продовольствием городов [Уиткрофт 2013: 758].

Низкая смертность была в предгорьях и горах Северного Кавказа – горные

национальные автономии, Эссентукский район Ставрополя и в приморских причерноморских районах: Анапский, Крымский, Греческий, Новороссийский, Геленджикский, Туапсинский, Шапсугский, Сочинский и Армянский.

Катастрофическая смертность была на равнинной Кубани и в Ставрополье, (исключая Адыгею). Очаги катастрофы (>100 на 1000 населения): Каневский, Тихорецкий, Кореновский, Усть-Лабинский, Краснодарский и территория в административном подчинении г. Краснодар (самая высокая смертность 194,2 на 1000 населения) на Кубани; Ново-Александровский, Курсавский и Ставропольский на Ставрополье. Смертность в них такая же, как в АССР Немцев Поволжья и прилегающих районах Саратовского края [Назаренко, Башкин 2021: 197]. Эти очаги также, вероятно, связаны с децентрализованными заготовками в прилегающих к гг. Краснодару и Ставрополю сельских районах. Катастрофическая смертность была в Лабинском районе Кубани и Прикумском Ставрополя. В Краснодарском, Каневском, Кореновском, Усть-Лабинском и Лабинском районах Кубани и Курсавском, Прикумском, Ново-Александровском и Ставропольском Ставрополя естественная убыль населения была > 90 ‰. Еще в 18 районах (из них 5 ставропольских) естественная убыль была выше 50 ‰.

В Дагестане наименьшая смертность была в горных районах, в северном Дагестане (Караногайский, Кизлярский и Баба-Юртовский районы) смертность была выше и сопоставимой с севером Дона. При этом Ачикулакский район Дагестана, граничащий со ставропольским Прикумским районом с катастрофической смертностью, характеризуется низкой смертностью (18,1 на 1000). В Дагестане катастрофическая смертность была в прикаспийском Дербентском районе (100,9), и в соседнем столичном Махач-Калинском.

Естественный прирост населения был только в сельской местности причерноморских районов – Греческого, Туапсинского, Геленджикского, Шапсугского, Сочинского (18,3 ‰) и Армянского (20,1), в Северной Осетии (24,6), Туркменском районе Ставрополя (13,0) и Карачаевской АО (24,5). Почти нулевой естественный прирост (0,1) был в Черкесской АО. Более благополучная ситуация была в Дагестане: в 16 (преимущественно горных) районах был положительный естественный прирост населения. В подавляющем большинстве случаев в этих регионах низкая рождаемость компенсировалась низкой смертностью, либо высокую смертность компенсировала высокая рождаемость.

Не прослеживается какой-либо этнической приуроченности. Одинаково высокая смертность была везде, а ее скачки определяются административными (в пограничных с Украиной районах смертность даже была ниже) и природными границами. Очаги объясняются особенностями продовольственных заготовок в попытке спасти от голода города. Таким образом, смертность на Северном Кавказе имеет не этнический, а зональный характер и, вероятнее всего, связана, с действиями местных властей, либо с природными факторами, что требует дополнительных исследований.

Динамика рождаемости и смертности на Северном Кавказе в 1932–33 гг. по отчетным данным УНХУ оценивалась по Северо-Кавказскому краю [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 33; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 82–83, 87–88] без Дагестана, вынесенного за 1933 г. в отдельные графики – рис. 2.

Рождаемость (рис. 2: А) в 1932–33 гг. на Северном Кавказе схожа с нижевожской [Назаренко, Башкин 2021: 196]. Есть сезонные пики июля–августа обоих годов, связанные с зачатиями конца предыдущего года, характерные для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа. Северный Кавказ отличался более резким пиком рождаемости января (февраля в Дагестане) 1933 года и катастрофическим падением рождаемости за два года, сильнее, чем в Нижнем Поволжье – в 5 раз. Для городского населения эти пики также есть, но падение рождаемости в городах меньше (около 2 раз).

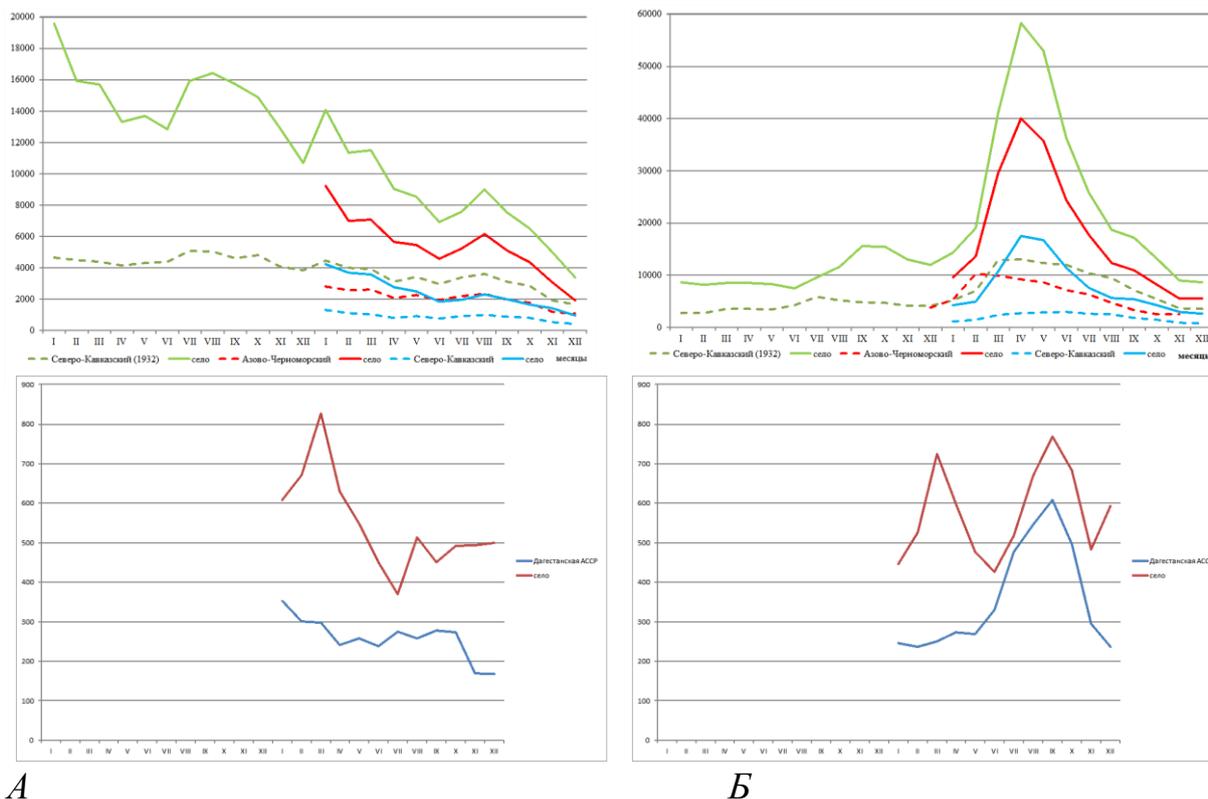

Рисунок 2. Динамика рождаемости (А) и смертности (Б) на Северном Кавказе в 1932–1933 гг. (чел.).

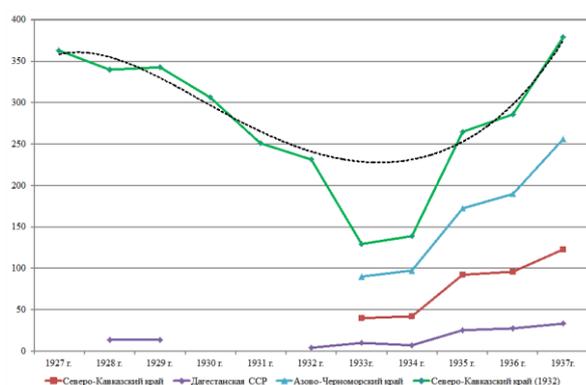
Рост смертности (рис. 2: Б) в сельской местности Северного Кавказа (как и в Нижне-Волжском крае) катастрофический (в 6 раз) [Назаренко, Башкин 2021: 196]. Но динамика резко отличается от нижевожской. На Северном Кавказе в 1932 г. есть небольшой пик смертности сентября – октября. Голодом он не объясняется, поскольку только прошла уборочная и дальше смертность снизилась и, возможно, имеет эпидемическую причину. Смертность на Северном Кавказе росла скачком гораздо быстрее, чем на Нижней Волге, ее пик был в апреле 1933 г., после чего смертность резко стала падать (на Ставрополье она была высокая и в мае). На Дону, Кубани и в Ставрополье одновременно и одинаково наблюдается типичный «голодный» пик смертности начала весны, снижающийся с началом лета, в отличие от Нижней Волги, где пик смещен на лето. В отличие от нижевожских городов, где рост в 2,5 раза был в марте – апреле с пиком смертности летом, в городах Дона и Кубани пик смертности (в 3 раза) был уже в феврале, после чего смертность упала, а в городах Ставрополья динамика смертности «сталинградская». Это может быть объяснено гипотезой

С. Уиткрофта – в связи с катастрофическим голодом в городах местные власти спасали городское население за счет окрестных сел, форсируя децентрализованные заготовки продовольствия. Смертность в городах упала, но резко выросла на селе и вокруг крупных городов возникли очаги катастрофической смертности. На Ставрополье крупных городов было меньше, находились они в более благополучном предгорье (г. Кисловодск и Пятигорск) и динамика смертности была другая, а катастрофический очаг возник только у г. Ставрополя. Такая принципиально разная динамика исключает гипотезу искусственного голода, организованного центральной властью – все определялось на местах.

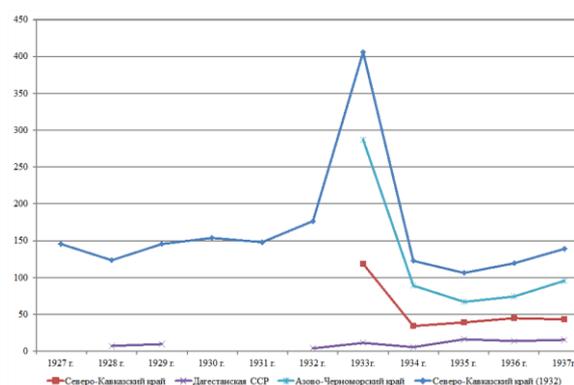
Если принять месячную сельскую смертность (10 тыс. чел.) начала 1932 г. как «норму», то за 1933 г. «избыточная» смертность составила на селе около 197 тыс. человек. Для городов Северного Кавказа при «норме» начала 1932 г. 4 тыс. «избыточная» смертность за 1933 г. составит 5,5 тыс. человек. Всего – 202,5 тыс. умерших.

В Дагестане в 1933 г. в сельской местности было два пика смертности. Первый – двукратный мартовский, далее, смертность резко падает и в мае снижается до ниже январской. Этот пик отличается от «голодного» других регионов и, скорее всего, имеет эпидемическую природу, либо связан с горными природными условиями. Второй пик в сельской местности и в городах такой же двукратный сентябрьский с ростом смертей в июне и спадом к ноябрю 1933 г. Голодом он также не объясняется, и связан, скорее всего, с неблагоприятной эпидемической обстановкой, характерной для Дагестана в 30-е гг. XX в. [Нагиева 2016]. Вопрос эпидемий в Дагестане (особенно в Махач-Калинском и Дербентском районе) 1933 г. требует дополнительной проверки по данным первичного учета или медицинской статистики.

Динамический ряд 1927–37 гг. (рис. 3) дает общую оценку рождаемости и смертности (Азово-Черноморский край за 1936 и 1937 гг. – сумма Ростовской области и Краснодарского края) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 15–25].

А

Б

Рисунок 3. Динамика рождаемости (А) и смертности (Б) на Северном Кавказе в 1927–1937 гг. (тыс. чел.), пунктиром показан тренд рождаемости.

Тренд падения рождаемости на Северном Кавказе (рис. 3: А) такой же, как и в Нижне-Волжском крае [Назаренко, Башкин 2021: 196]. Часто его связывают с массовой коллективизацией, которая вызвала социальную нестабильность и

падение уровня жизни [Нефедов 2013: 58]. Однако падение уровня жизни обычно сопровождается ростом смертности, которая на Северном Кавказе в 1927–31 гг. была стабильна (150 тыс. чел. ежегодно) (рис. 3: Б). Падение рождаемости без роста смертности мог вызвать распад семейных и социальных традиций в результате советской пропаганды, эмансипации женщин, роста грамотности и легализации аборт [Нефедов 2013: 58–59]. Судя по всему, эти процессы и шли в это время на Северном Кавказе.

Четко определяется «яма» 1933–34 гг., после чего рождаемость вернулась на уровень чуть выше 1932 г. и стала возрастать. Динамика рождаемости с 1933 г. по Азово-Черноморскому краю, новому Северо-Кавказскому (с 1936 г. – Орджоникидзевскому) краю и Дагестану одинакова. Для Дагестана «яма» не прослеживается, идет рост рождаемости, который может быть связан с улучшением системы учета населения. Тренд рождаемости без учета 1932–34 гг. (рис. 3: А, пунктир) для Северного Кавказа отличается от нижеволжского тем, что рождаемость 1932 г. находится на линии тренда. Фактически, на Северном Кавказе демографические потери от снижения рождаемости определяются в 1933 г. около 100 000 и в 1934 г. – 90 000 человек, всего – 190 000 человек.

Динамика смертности на Северном Кавказе (кроме Дагестана) идентична динамике Нижне-Волжского края [Назаренко, Башкин 2021: 196] – при практически линейном тренде с конца 20-х гг. XX в. есть небольшой рост 1932 г. и резкий пик смертности 1933 г., который сменился компенсационным падением 1934 г. (рис. 3: Б). На Нижней Волге смертность вернулась к уровню до 1932 г. на год раньше, на Северном Кавказе она выросла до уровня до голода в 1937 г. В Дагестане также прослеживается небольшой пик, но по динамике показана его неоднозначная связь с голодом. Для Северо-Кавказского края в границах 1932 г. превышение смертности над трендом в 1932 г. составляет около 25 000 человек, а в 1933 г. – 255 000 человек. Общее превышение смертности на Северном Кавказе – 280 000 человек (выше, чем оценки по динамике).

Выводы

Города и городские поселки Северного Кавказа в период голода 1932-1933 гг. были полностью охвачены системой учета, недоучет городского населения незначительный и отмечен по отдельным городам. В 1933 г. наблюдался небольшой недоучет в сельской местности на Дону, Кубани и в Ставрополье (от 8,3 до 12,2%), что не является критическим и объясняется кризисной ситуацией в регионе. Высокий недоучет был в селах национальных автономий Северного Кавказа, отсутствуют данные в Чечне и Ингушетии. Не установлено, были ли на Северном Кавказе учтены и попали ли в отчетные данные, родившиеся и умершие неместные жители и неизвестные. По городам Дагестана они были учтены и составляют 8,7 и 11% от рожденных и умерших жителей городов, соответственно.

По нашим оценкам в городах Северного Кавказа в 1933 г. родилось 38698 человек (24854 в Азово-Черноморском крае, 10734 – в Северо-Кавказском и 3110 – в Дагестане), а умерло 102599 человек (73945, 24390 и 4264, соответственно). Убыль городского населения составила около 64 тыс. человек. В

сельской местности Северного Кавказа в 1933 г. родилось 139041 человек (71210 в Азово-Черноморском крае, 54521 – в Северо-Кавказском и 13310 – в Дагестане), а умерло 372251 человек (233805, 124334 и 14112, соответственно). Убыль сельского населения составила более 233 тыс. человек. Показатели городской смертности на Северном Кавказе крайне высокие и в равнинных регионах сопоставимы со смертностью в сельской местности, а в горных национальных автономиях превышают сельскую. Таким образом, практически по всему Северному Кавказу в 1933 г. была демографическая катастрофа не только сельского, но и городского населения, что опровергает мнение о намеренном уничтожении именно крестьянства (казачества).

В сельской местности Дона, Кубани и Ставрополя было катастрофическое (пятикратное) падение рождаемости за два года и двукратное падение рождаемости в городах Северного Кавказа. На Дону, Кубани и в Ставрополье почти одновременно и одинаково наблюдается типичный «голодный» пик смертности начала весны 1933 г., с началом лета смертность падает до уровня предыдущего 1932 г. Наиболее в 1933 г. пострадало сельское население Ставрополя, Кубань и юг Дона пострадали несколько меньше и еще в меньшей степени – север Дона. Смертность сельского населения Ставрополя сопоставима со смертностью в другом очаге голода – Саратовском крае. В сельской местности горных национальных автономий смертность была значительно меньше. Динамика смертности в 1933 г. в Дагестане резко отличается, а высокая смертность и отрицательный прирост населения в отдельных дагестанских районах вероятнее всего объясняется эпидемическими причинами.

Естественный прирост населения отмечен только в сельской местности причерноморских районов Северного Кавказа, в Северной Осетии, Туркменском национальном районе Ставрополя, Карачаевской АО и в 16 районах Дагестана. Почти нулевой естественный прирост был в Черкесской АО. В этих регионах низкая рождаемость компенсировалась низкой смертностью, либо высокую смертность компенсировала высокая рождаемость.

Очагами катастрофической смертности (более 100 на 1000 населения) были на Кубани: Каневский, Тихорецкий, Кореновский, Усть-Лабинский, Краснодарский районы и территория в административном подчинении г. Краснодар (194,2), в Ставрополье: Ново-Александровский, Курсавский и Ставропольский районы. Краснодарский, Каневский, Кореновский, Усть-Лабинский и Лабинский районы Кубани и Курсавский, Прикумский, Ново-Александровский и Ставропольский районы Ставрополя характеризуются естественной убылью населения более 90%. Еще в 18 районах (из них 5 ставропольских) естественная убыль была выше 50%.

География смертности указывает на отсутствие какой-либо этнической компоненты демографической катастрофы 1933 г. Смертность на Северном Кавказе имеет зональный характер, ее величины в части случаев определяются административными границами и, вероятнее всего, связаны, с действиями местных властей, эпидемическими или природными факторами, что требует дополнительных исследований. Появление очагов демографической катастрофы на Северном Кавказе наиболее вероятно объясняется гипотезой

С. Уиткрофта, что в связи с катастрофическим голодом в городах местные власти спасали городское население за счет окрестных сел, форсируя децентрализованные заготовки продовольствия.

Смертность на Северном Кавказе и на Нижней Волге имеют разный характер, что исключает гипотезу искусственного голода по какой-либо единой системе, организованной центральной властью.

Суммарные общие демографические потери населения Северного Кавказа от падения рождаемости составили порядка 190 тыс. человек, а общее превышение смертности – 280 тыс. человек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Административно-территориальное... 1934 – *Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.)*. – М.: Власть советов, 1934. – 359 с.

Андреев и др. 1993 – *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Д.* Население Советского Союза, 1922–1991 гг. – М.: Наука, 1993. – 139 с.

Гадицкая 2018 – *Гадицкая М.А.* Голод в колхозной деревне юга России: стратегии выживания в 1932 – 1933 годах // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 41–47. DOI: 10.23683/0321-3056-2018-4-41-47.

Дэвис, Уиткрофт 2011 – *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. – М.: Росспэн, 2011. – 543 с.

Жиромская 2009 – *Жиромская В.Б.* Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – №14. – С. 92–101.

Жиромская 2013 – *Жиромская В.Б.* Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. – М.: МФД, 2013. – С. 651–662.

Иванцов 2009 – *Иванцов И.Г.* Голод на Северном Кавказе в 1933 г. // Социально-гуманитарный вестник. – 2009. – Вып. 1. – Краснодар: Издательство Краснодарского ЦНТИ. – С. 40–44.

Ивницкий 2009 – *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. – М.: Собрание, 2009. – 288 с.

Кондрашин 2014 – *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 350 с.

Кондрашин 2018 – *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: РОССПЭН, 2018. – 566 с.

Кондрашин, Пеннер 2002 – *Кондрашин В., Пеннер Д.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). – Самара–Пенза: Изд. СГУ–ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002. – 432 с.

Кропачев 2009 – *Кропачев С.А.* О масштабах голода на Кубани в начале 1930-х годов // Голос минувшего. – 2009. – № 1–2. – с. 75–82.

Нагиева 2016 – *Нагиева М.К.* Создание санитарно-эпидемиологической службы в Дагестане (20 – 30-е гг. XX века) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8 (112). – С. 240–243.

Назаренко, Башкин 2021 – *Назаренко Н.Н., Башкин А.В.* Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, – №2. – С. 189–199. DOI: 10.17816/snvn2021102210.

Население... 2000 – *Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1.* – М.: Росспэн, 2000. – 463 с.

Нефедов 2013 – *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 283 с.

Нефедов 2017 – *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в

1900–1940 годах. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 432 с.

Осадченко, Руднева 2012 – Осадченко Е.В., Руднева С.Е. Голод на Кубани 1932 – 1933 гг. // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 1. – С. 96–98.

Осколков 1991 – *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1991. – 96 с.

Осколков 1995 – *Осколков Е.* Голод 192 – 1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини та наслідки: матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 9–10 вересня 1993 р. – Київ: Інститут Історії НАН України, 1995. – С. 113–123.

Осокина 1991 – *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.

Ракачев 2009 – *Ракачев В.Н.* Государственная политика хлебозаготовок 1932 – 1933 гг. на Кубани и ее демографические последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932-1933 г. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. – Краснодар: Традиция, 2009. – С. 129–140.

Ракачев 2012 – *Ракачев В.* Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. – 2012. – № 7. – С. 131–134.

Ракачева 2011 – *Ракачева Я.В.* Голод 1932–1933 гг. на Кубани и его демографические масштабы и последствия // Историческая демография. – 2011. – № 1 (7). – с. 93.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

Семенько, Панарина 2021 – Семенько С.П., Панарина Е.В. Реализация демографической политики советского государства на Кубани в 1930-е гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1. – С. 101–108.

Токарева 2014 – *Токарева Н.А.* Голод 1932 – 1933 годов на Украине и на Северном Кавказе // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 6. – С. 22–31.

Уиткрофт 2013 – *Уиткрофт С.* Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. – М.: МФД, 2013. – С. 719–771.

Чернопицкий 2002 – *Чернопицкий П.Г.* Голод 1932 – 1933 г. на Кубани // Родная Кубань. – 2002. – № 3. – С. 26–32.

Davies, Wheatcroft 2004 – *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. 2004. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger>. (date of access: 25.03.2022).

Levchuk et al 2020 – *Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskiy O., Kovbasiuk A., Kulyk N.* Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia // Nationalities Papers. – 2020. – P. 1–21. DOI: 10.1017/nps.2019.55.

Wheatcroft et al 2013 – *Wheatcroft S.G., Garnaut A., Leikin I.* Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the raion patterns // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада 2013 р. – Київ, 2013. – С. 219–226.

Wheatcroft et al 2013a – *Wheatcroft S.G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I.* Mapping and evaluating the major famines of modern times // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. – 2013. – P. 11–12.

REFERENCES

Administrativno-territorial'noe delenie Soyuza SSR (na 15 iyulya 1934 g.) [Administrative and territorial division of Union of SSR (at the 15 July 1934)]. – М.: Vlast' sovetov, 1934. – 359 p. (In Russ.).

ANDREEV E.M., DARSKII L.E., KHAR'KOVA T.D. *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991 gg* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. – М.: Nauka, 1993. – 139 p. (In Russ.).

CHERNOPITSKII P.G. *Golod 1932 – 1933 g. na Kubani* [Famine of 1932-1933 in the Kuban]. IN: *Rodnaya Kuban'*. – 2002. – № 3. – P. 26–32. (In Russ.).

DAVIES R.W., WHEATCROFT S.G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. 2004. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger>. (date of access: 25.03.2022).

DAVIES R.W., WHEATCROFT S.G. *Gody goloda: Sel'skoe khozyaistvo SSSR, 1931–1933* [The Years of hunger: Soviet agriculture, 1931 – 1933. Rus. Ed.]. – M.: ROSSPEN, 2011. – 543 p. (In Russ.).

GADITSKAYA M.A. *Golod v kolkhoznoi derevne yuga Rossii: strategii vyzhivaniya v 1932 – 1933 godakh* [Famine in a collective farm village in southern Russia: survival strategies in 1932-1933]. IN: *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyye nauki*. – 2018. – № 4. – P. 41–47. DOI: 10.23683/0321-3056-2018-4-41-47. (In Russ.).

IVANTSOV I.G. *Golod na Severnom Kavkaze v 1933 g.* [Famine in the North Caucasus in 1933]. IN: *Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik*. – 2009. – Vol. 1. – Krasnodar: Krasnodar TsNTI. – P. 40–44. (In Russ.).

IVNITSKII N.A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga region, Central-Chernozem oblast, Western Siberia, Ural]. – M.: Sobranie, 2009. – 288 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.)* [Soviet grain procurement policy during the first 5-year plan and its results (1929–1933)]. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. – 350 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiiskoi derevni. 2-e izd., dop. i pererab* [Famine of 1932–1933 years: the tragedy of the Russian village. 2nd ed.]. – M.: ROSSPEN, 2018. – 566 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V., PENNER D. *Golod: 1932–1933 gody v sovetskoj derevne (na materialakh Povolzh'ya, Dona i Kubani)* [Famine: 1932-1933 in the Soviet countryside (based on materials from the Volga region, Don and Kuban)]. – Samara–Penza: SGU–PGPU, 2002. – 432 p. (In Russ.).

KROPACHEV S.A. *O masshtabakh goloda na Kubani v nachale 1930-kh godov* [On the scale of famine in the Kuban in the early 1930s]. IN: *Golos minuvshogo*. – 2009. – № 1–2. – P. 75–82. (In Russ.).

LEVCHUK N., WOLOWYNA O., RUDNYTSKYI O., KOVBASIUK A., KULYK N. *Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia*. IN: *Nationalities Papers*. – 2020. – P. 1–21. DOI: 10.1017/nps.2019.55.

NAGIEVA M.K. *Sozдание sanitarno-epidemiologicheskoi sluzhby v Dagestane (20–30-e gg. KhKh veka)* [Creation of a sanitary and epidemiological service in Dagestan (20-30s of the twentieth century)]. IN: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2016. – № 8 (112). – P. 240–243. (In Russ.).

Naselenie Rossii v XX veke. V 3-kh t. T. 1 [Population of Russia in XX century. In 3 vol. Vol. 1]. – M.: ROSSPEN, 2000. – 463 p. (In Russ.).

NAZARENKO N.N., BASHKIN A.V. *Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Nizhnego Povolzh'ya v period goloda 1932–1933 godov* [Regional features of birth rate and mortality in the Lower Volga region in the famine of 1932–1933 years]. IN: *Samara Journal of Science*. – 2021. – Vol. 10, – № 2. – P. 189–199. DOI: 10.17816/snv2021102210. (In Russ.).

NEFEDOV S.A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii* [Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization]. – Tambov: TGU, 2013. – 283 p. (In Russ.).

NEFEDOV S.A. *Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh* [The standard of living of the population and the agrarian development of Russia in 1900-1940]. – M.: RANKhiGS, 2017. – 432 p. (In Russ.).

OSADCHENKO E.V., RUDNEVA S.E. *Golod na Kubani 1932 – 1933 gg.* [Famine in the Kuban 1932-1933]. IN: *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. – 2012. – № 1. – P. 96–98. (In Russ.).

OSKOLKOV E.N. *Golod 1932/1933. Khlebozagotovki i golod 1932/1933 goda v Severo-Kavkazskom krae* [The Famine of 1932/1933. Grain procurements and famine of 1932/1933 in the North Caucasus Region]. – Rostov-on-Don: Rostov universitet, 1991. – 96 p. (In Russ.).

OSKOLKOV E. *Golod 192 – 1933 gg. v zernovykh raionakh Severo-Kavkazskogo kraja* [Famine of 192-1933 in grain areas of the North Caucasus Region]. IN: *Golodomor 1932–1933 rr. v Ukraïni: prychny ta naslidky: materialy mizhnarodnoi' naukovoï konferencii'*. Kyi'v, 9–10 veresnja 1993 r. [Holodomor of 1932-1933 in Ukraine: causes and consequences: Proceedings of the international scientific conference. Kiev, September 9-10, 1993] – Kyi'v: Institut Istoriiy NAN Ukraïny, 1995. – P. 113–123. (In Russ.).

OSOKINA E.A. *Zhertvy goloda 1933 goda: skol'ko ikh? (Analiz demograficheskoi statistiki TsGANKh SSSR)* [Victims of the famine of 1933: how many of them? (Analysis of demographic statistics of the CGANH USSR)]. IN: *Istoriya SSSR*. – 1991. – № 5. – P. 18–26. (In Russ.).

RAKACHEV V.N. *Gosudarstvennaya politika khlebozagotovok 1932 – 1933 gg. na Kubani i ee demograficheskie posledstviya* [State grain procurement policy of 1932-1933 in the Kuban and its demographic consequences]. IN: *Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932-1933 g. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Historical memory of the population of the South of Russia about the famine of 1932-1933. Materials of the scientific and practical conference] / Ed. by N.I. Bondar, O.V. Matveev. – Krasnodar: Traditsiya, 2009. – P. 129–140. (In Russ.).

RAKACHEV V. *Golod i ego demograficheskie posledstviya kak rezul'tat gosudarstvennoi politiki khlebozagotovok na Kubani i Stavropol'e v 1930-kh gg.* [Famine and its demographic consequences as a result of the state policy of grain procurement in the Kuban and Stavropol in the 1930s.]. IN: *Vlast'*. – 2012. – № 7. – P. 131–134. (In Russ.).

RAKACHEVA Ya.V. *Golod 1932–1933 gg. na Kubani i ego demograficheskie masshtaby i posledstviya* [The famine of 1932-1933 in the Kuban and its demographic scale and consequences]. IN: *Istoricheskaya demografiya*. – 2011. – № 1 (7). – P. 93. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics]. (In Russ.).

SEMEN'KO S.P., PANARINA E.V. *Realizatsiya demograficheskoi politiki sovetskogo gosudarstva na Kubani v 1930-e gg.* [Implementation of the demographic policy of the Soviet state in the Kuban in the 1930s.]. IN: *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2021. – № 1. – P. 101–108. (In Russ.).

TOKAREVA N.A. *Golod 1932 – 1933 godov na Ukraine i na Severnom Kavkaze* [Famine of 1932-1933 in Ukraine and the North Caucasus]. IN: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. – 2014. – № 6. – p. 22–31. (In Russ.).

WHEATCROFT S. *Pokazateli demograficheskogo krizisa v period goloda* [Indicators of the demographic crisis in the period of famine] IN: *Golod v SSSR. 1929–1934: V 3 t. T. 3: Leto 1933–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934. Documents. Vol. 3. Summer 1933 – 1934]. – M.: MFD, 2013. – P. 719–771. (In Russ.).

WHEATCROFT S.G., GARNAUT A., LEIKIN I. *Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the raion patterns*. IN: *Golod v Ukraïni u pershij polovyni HH stolittja: prychny ta naslidky (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): materialy mizhnarodnoi' naukovoï konferencii'*. Kyi'v, 20–21 lystopada 2013 r. [Famine in Ukraine in the first half of the twentieth century: causes and consequences (1921-1923, 1932-1933, 1946-1947): Proceedings of the international scientific conference. Kyi'v, November 20-21, 2013] – Kyi'v, 2013. – P. 219–226.

WHEATCROFT S.G., GARNAUT A., O'GRADA C., BISHOP I. *Mapping and evaluating the major famines of modern times*. IN: *Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences*. – 2013. – P. 11–12.

ZHIROMSKAYA V.B. *Golod 1932–1933 godov v Rossii i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Famine of 1932–1933 in Russia and the contemporary international relations]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2009. – № 14. – P. 92–101. (In Russ.).

ZHIROMSKAYA V.B. *Golod 1932–1933 gg.: Lyudskie poteri* [Famine of 1932–1933: Human losses]. IN: *Golod v SSSR. 1929–1934: V 3 t. T. 3: Leto 1933–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934. Documents. Vol. 3. Summer 1933 – 1934]. – M.: MFD, 2013. – P. 651–662. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.Н. Назаренко – доктор биологических наук, доцент.

А.В. Башкин – координатор проекта «Исторические материалы».

Information about the authors

N.N. Nazarenko – Doctor of Science (Biology), associate professor.

A.V. Bashkin – coordinator of project «Historical materials».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 18.07.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 15.09.2022.